

9. Акимбеков С. Американские горки.- //Континент.2008.№19.

Барак Обаманың және Ақ үйдің демократиялық әкімшілігінің алдында тұрған негізгі проблемалық сұрақтар қарастырылады

Түйіндеме

Мақалада автор кіші-Д. Буштың республикалық әкімшілігінің негізгі сыртқы саяси бағыттарын қарастырады. Президент кіші-Буштың сыртқы саясаты басқыншылық сипатта болды, соның нәтижесінде халықаралық саяси жүйе едәуір өзгерді. Сондай-ақ, мақалада жаңа сайланған президент

Conclusion

The article is devoted to president Bush – junior's foreign policy. This policy has changed the system of international relations in the beginning of XXI century. Als authur describes the wain questions that elected president Obama and his administration will face with.

Аубакирова Ю.Д., преподаватель
Костанайский государственный педагогический институт

КОНЦЕПЦИЯ ЛИЧНОСТИ В ДРЕВНЕРУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ (XI – XIV ВЕКА)

Человек был в центре внимания искусства феодализма, но человек не сам по себе, а в качестве представителя определенной среды, определенной ступени в лестнице феодальных отношений. Каждое действующее лицо летописи изображается только как представитель определенной социальной категории. Князь оценивается по его «княжеским» качествам, монах – «монашеским», горожанин – как подданный или вассал. Личность князя подчиняет себе события, интерес к князю поглощает интерес к событиям народной жизни. Каждый человек представляет для летописца свою ступень в феодальной иерархии. Всё общество состоит из лестнично-расположенных над простым, трудовым народом различных групп феодалов. Все людские отношения подчинены этой иерархии вассальных связей. Этот иерархизм проявляет себя в летописи и других литературных произведениях.

Князья в летописи не знают душевной борьбы, душевных переживаний, того, что мы могли бы назвать «душевым развитием». Князья могут испытывать телесные муки, но не душевные терзания. На всем протяжении своей жизни, как она фиксируется в летописи, князь остается неизменным. И даже в тех случаях, когда летописец и говорит о душевных колебаниях князя, кажется, что он больше взвешивает все «за» и «против», чем испытывает нерешительность. В таких случаях

сама несмелость предстает как черта политических убеждений, а не характера. Старчески слабый князь Вячеслав Владимирович выглядит в изображении летописца мудрым князем, отрешившимся от политики, хотя и продолжающим находиться на княжеском столе [1;83].

В характеристиках князей нет никаких оттенков и переходов, создающихся противоречиями внутренней жизни. Все добродетели князя точно определены, все пороки его исчислены, их может быть больше или меньше, но качественно они все одни и те же. Характеристика князя в летописи, если она дается отдельно, состоит обычно из перечисления его достоинств, внешних примет и, реже, недостатков. Все свойства его ясны, отчетливы, просты, их скорее мало, чем много. Летописцы как бы избегают всего расплывчатого, неясного, создают как бы эмблемы и символы феодального порядка. Они пишут так же, как и иконописцы, – изображения для поклонения или, напротив, для осуждения. Их главное внимание уделено личностям феодалов, но самые эти личности служат как бы только олицетворениями существующих порядков – сложной феодальной лестницы и ее незыблемости.

В текстах древнерусской литературы внутренняя жизнь князя подчинена его внешнему изображению. Князь мудр, храбр, справедлив – в той мере, в какой

это полагается ему там, где это нужно по «этикету». Всё совершается им в своем месте и в свое время. Князь поступает так, как нужно по воззрениям своего времени. Его личным привязанностям, вкусам, привычкам летописец уделяет место только тогда, когда это отражается на его судьбе. Князь не принадлежит самому себе. Он изображается только как представитель своего сословия, и как исторический деятель.

Там, где древнерусский автор сознательно стремился дать читателю представление о том человеке, о котором он писал, обычно ясно ощущается и стремление прославить его, или, напротив, унижить. О задаче искусства как о задаче прославления прямо писал в своем «Слове на седьмую неделю по Пасце» Кирилл Туровский: «Историцы и ветиа, рекше летописци и песнотворци, прикланяють своа слухы в бывшая между царей рати и ополчения, да украсять словесы слышащая и възвеличать крепко храбровавшая и мужествовавшая по своем цари, и не давших в брани плещи врагомь, и тех славяще похвалами венчают» [2;17].

Принадлежность к определенной ступени феодальной лестницы ясно ощущается в характеристиках действующих лиц летописи. Для каждой ступени выработались свои нормы поведения, свой идеал и свой трафарет изображения. Индивидуальность человека оказывалась полностью подчиненной его положению в феодальном обществе, и изображение людей в русской летописи XI–XIII вв. в сильнейшей степени следовало тем идеалам, которые выработались в господствующей верхушке феодального общества.

Эти идеалы ясно определимы. Их несколько, и они очень четко обозначены социально. Идеальный образ князя – один, идеальный образ представителя церкви – другой. Слабо намечены идеалы боярства – «бояр думающих» и «дружны храброй» [3;79]. В основном два идеальных образа доминируют в жизни, а вслед за нею и в литературе: светский и церковный. Это не идеализация человека, это идеализация его общественного положения – той ступени в иерархии феодаль-

ного общества, на которой он стоит. Человек хорош по преимуществу тогда, когда он соответствует своему социальному положению или когда ему приписывается это соответствие.

Идеалы не всех ступеней иерархической лестницы равноправны. В светской области наиболее отчетливо определился княжеский идеал. Герои летописи – по преимуществу князья, ибо их действия, с точки зрения летописца, составляют суть исторического процесса. Вот почему княжеский идеал – наиболее разработанный светский идеал.

Характеристики духовенства в летописи – монахов, епископов, митрополитов, белого духовенства – и людей просто благочестивых целиком подчиняются идеалам церкви.

Особую, группу составляют «святые». Внешне они не входят в систему феодальных отношений – светских и духовных – и не принадлежат крестьянству. Они как бы внесословны.

Строгое соответствие изображения людей с иерархией феодального общества имело свои глубокие основания в самом строе феодального общества и в потребностях верхушки этого общества сохранить этот строй, удержать за собой господствующее положение. В связи с этим вырабатывается понятие феодальной чести. Над сложной иерархией политических отношений вырастает не менее сложная иерархия чести.

Уже в Русской Правде размер наказаний изменяется в зависимости от положения пострадавшего, от того, на какой ступени феодальной лестницы он находится, причем защищается, прежде всего, честь пострадавшего, его достоинство.

Классовое расслоение общества сказалось также и в церковном уставе Ярослава Владимировича. Здесь особо оговаривается оскорбление жен великих и меньших бояр, градских и сельских людей. Оскорбление, словом каждой из этих категорий жен строго различается по налагаемой санкции [4;75].

Процесс образования сложной лестницы феодальных отношений закончился в основном к XII в.: великий князь, мест-

ные князья, бояре, боярские слуги. Междукняжеские отношения строятся к этому времени на основании развитого вассалитета.

Эта сложная иерархия феодальных отношений отчетливо дает себя знать в художественной литературе – в характеристиках действующих лиц летописи, житий, исторических повестей. Она налагает ясно осязаемый отпечаток на систему художественных обобщений. И это сказывается в том, что для каждой ступени феодальной лестницы вырабатываются свой идеал, свои нормы поведения, в зависимости от которых и расценивается тот или иной представитель этой ступени.

Феодализм предоставлял большие возможности для развития личности, но эти возможности открывались по преимуществу для представителей феодального класса. Согласно представлениям эпохи феодализма, история движется отдельными личностями из среды феодалов: князьями, боярами, духовенством, и это нашло свое выражение в образах людей памятников XI–XIV веков. Обобщение в литературе XI–XIII вв. основывается на отдельных конкретных исторических личностях. Вымышленно-обобщенных образов людей литература феодализма не знает, она ориентируется на конкретных исторических личностях. Вместе тем каждое историческое лицо вводится в круг идеалов, располагающихся по ступеням феодальной лестницы. Особое положение в этой «лестнице идеалов» занимал трудовой народ. Сельское население, городские ремесленники не входили в состав феодальной иерархии. Они составляли только ту основу, над которой высились феодальная лестница. Трудовой народ находился вне этой лестницы, а, следовательно, и вне лестницы феодальных идеалов. Не упоминаются в литературных произведениях и отдельные представители крестьянства, трудового народа.

Весь феодальный класс, несмотря на свою сложную многоступенчатую структуру, составляющую основу его однородности, в отношении трудового населения выступает как сплоченное единое целое. В первую очередь это касается

княжеского рода – особенно спаянной, несмотря на все свои внутренние раздоры, части феодального класса. Постоянные раздоры в среде князей не мешали их сплоченности по отношению ко всем представителям других классов.

Тесное соприкосновение феодальной литературы и действительности, феодальной литературы и политики нашло свое отражение в строгом подчинении изображения людей идеалам феодальной верхушки.

Литература феодального периода была теснейшим образом связана с жизнью – с нуждами и требованиями феодального общества. В дальнейшем именно жизнь, а не литература, не литературная традиция выработала те идеалы, которые и в действительности, и в литературе служили мерилем человеческих ценностей. В литературном изображении реальные люди либо «тянулись» к этим идеалам, признавались соответствующими им, либо отвергались именно с точки зрения этих идеалов. Литература в основном знала только две краски – черную и белую; определение же того, какой краской писать то или иное действующее лицо, принадлежало реальной политической действительности и месту в ней самого автора. Противников своего лагеря летописец или автор исторической повести писал темной краской, сторонников – светлой. Летописец, автор и себя подчинял этикету феодального общества, вводил себя в иерархию феодализма: свое служение феодалу он переносил в свою писательскую деятельность. Летописец того или иного князя, того или иного монастыря, епископа выражал в своих творениях верность. В большей мере, чем какой бы то ни было автор других веков, он подчинял задачи своего труда задачам служения своему сюзерену, оценивал события и людей так, как это ему подсказывали его обязанности подданного – человека, стоящего на одной из низших ступеней феодальной лестницы и связанного ее принципами. Отсюда уже отмеченная официальность литературы.

Характер человеческий выступает в творениях древнерусских книжников в

двух аспектах: либо как сам книжник хотел его представить – в его авторской «системе», либо как мы сами можем его реконструировать по сообщаемым этим книжником фактам – прямо и косвенно. Возможности последнего аспекта неограниченны. Реконструкция эта может быть осуществлена и на основании литературных данных, и на основании документов. Не исключена возможность привлечения данных из области археологии, истории живописи или даже истории языка. Такова, например, попытка Б. А. Романова в его книге «Люди и нравы древней Руси» восстановить характеры некоторых людей XI–XIII вв. – Даниила Заточника, Владимира Мономаха, матери Феодосия Печерского и многих других, охарактеризовать круг интересов целых социальных групп древней Руси [4;47].

Литературоведа будет интересовать по преимуществу литература и авторская точка зрения, историка – реальная действительность и скрывающаяся за литературным произведением подлинная человеческая личность. Однако, поскольку литература не оторвана от действительности, а напротив, тесно с ней связана, зависит от нее, – грани между первым и вторым аспектами не так уж велики. Было бы неправильно игнорировать в литературоведении этот второй, «исторический», аспект. Между литературным стереотипом в изображении человека и стихийно проникающими в письменное произведение фактами реальной жизни, рисующими совсем иные, жизненно реальные характеры людей, лежало множество градаций. Летописец или автор исторической повести нередко отклонялся от идеалов феодального класса, от трафаретных приемов характеристики людей – то, отдавая дань своим личным вкусам, то, испытывая на себе воздействие народного творчества, то, поддаваясь, тем изменениям в оценке деятельности князей, которые возникали в связи с изменениями в идейных представлениях под влиянием местных особенностей социального строя. Именно на этой грани официального и неофициального рождались все отступления от господствующего трафарета

та, возникало то качественно новое, что, постепенно накапливаясь, двигало литературное развитие к новым приемам изображения действительности.

Рассматривая характеристики князей в летописи, можно заметить, что они сотканы не столько из психологических, сколько из политических понятий. Не характер князя отражен в его характеристике, а его деятельность, его поведение, его политическое лицо.

Летописец оценивает не психологию князя, а его поведение, при этом поведение политическое в первую очередь. Его интересуют поступки князя, а не их психологическая мотивировка. Характеристика того или иного лица в летописи имеет в виду, прежде всего его поведение; внутренняя жизнь интересует летописцев XI–XIII вв. только постольку, поскольку она внешне проявляется в поступках, в определенной линии поведения. Храбрость, мужество – это, прежде всего подвиги. Нищелюбие, любовь к церкви, к боярам, к дружине – это, прежде всего поступки, поступки щедрости по преимуществу. Летописец не случайно пишет о том, что князь «показал мужество свое», «много пота утер с дружиною своею за Русскую землю», «братолюбием светился» или «славился» своими делами, нагнал страх на врагов, «прослыл» в победах и т. д. [2;35]. Внешний эффект поведения князя, «величавого на ратный чин», интересует летописца больше всего. Нет добрых качеств князя без их общественного признания, ибо самые эти качества неразрывно связаны с их внешними постоянными проявлениями. Вот почему летописец не знает конфликта между тем, каким на самом деле является тот или иной князь, и тем, каким он представляется окружающим. Доброму князю сопутствует добрая слава, дурному – дурная. Вот почему писатели XI–XIII вв. так часто и так много говорят о славе князя, о его общественном признании. Вот почему литературный портрет князя всегда официален. Князь предстает перед читателем в «одеянии» своих действий [2;35].

В разрушении феодальных представлений о личности только как об эле-

менте феодальных отношений огромная роль принадлежала народному творчеству.

Этому разрушению способствовало и то обстоятельство, что литература этого времени не знала вымышленного героя. Все действующие лица действительно жили, а не созданы только художественным воображением. Реальные факты биографии способствовали сохранению реальных черт характера и препятствовали полному подчинению изображаемых лиц феодальному идеалу.

Однако переход от стихийного проникновения в литературу действительности к первым шагам нового, сознательного к ней отношения совершится не скоро: новое отношение к человеческой личности станет осознаваться самими авторами только с конца XVI века. Это время, когда в литературе появятся первые изображения человеческого характера с точки зрения его психологии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лихачев Д. С. Великое наследие // Лихачев Д. С. Избранные Работы в трех томах. Л., 1987.
2. Древнерусская литература. Изображение природы и человека. М., 1995.

Ахметова Б.З., кандидат филологических наук, доцент
Костанайский государственный университет имени А.Байтурсынова

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ КОГНИТИВНОЙ ЛИНГВИСТИКИ

Что же такое эмоциональные концепты? Для того чтобы понять их сущность, нужно разграничить термины «эмоциональность» и «эмотивность». Впервые эти сущности развели Ш.Балли, Б.А.Ларин и В.И.Шаховский. Мы понимаем эмоциональность как психологическую характеристику личности, состояние и уровень развития ее эмоциональной сферы. Эмотивность же – это лингвистическая характеристика слова, предложения, способная произвести эмоциогенный эффект, вызвать у языковой личности соответствующие эмоции [1; с.21].

3. Петрухин В. Я. Древняя Русь: Народ. Князь. Религия. // Из истории русской культуры. М., 2000. Т. 1.
4. Романов Б.А. Люди и нравы Древней Руси. Историко-бытовые очерки XI-XIII вв. Изд.2-е. Л., 1966.

Түйіндеме

Адам әрқашан өнер және әдебиет орталығында болды. Ежелгі орыс әдебиетінде әр адам өзінің жеке сипатына сай бағаланады. XI-XIV ғасырлар әдебиетінде екі тұлға үлгі болды: ақсүйектер және шіркеу өкілдері. Адамдар тәуелді лауазымдық саттыларына сай болды. Княздар жағымды кейіпкерлер. Олар батыл және дана. Қарапайым халық XI-XIV ғасырлар әдебиетінің шығармаларында еске алынбайды. Өмір әдебиет батырларын қалыптастыруына әсер етті.

Conclusion

A man was always a center of art and literature. Every man was estimated according to his personal qualities. In the literature of Ancient Russ. Two ideals of a man existed in the literature of XI-XIV c: secular (the ideal of dukes, governors) and church.

People accorded the vassal (social) hierarchy. Dukes are positive heroes being always brave and wise. The common people were not mentioned in the works of literature of XI-XIV c. Life facilitates the formation of literary heroes of that time.

Сущность эмоциональных концептов невозможно понять без привлечения психологических знаний о личности и ее эмоциональной сфере. Этому посвящена работа К. Вилюнаса «Психология эмоциональных явлений».

Язык – это не только орудие культуры, но и орудие эмоций. Эмоция – это специфическая форма человеческого отношения к миру.

Мысли и эмоции сливаются в процессе коммуникативной деятельности, причем эмоции могут даже превалировать. Каждая языковая личность, независимо от культурных различий, пережива-